

МАРК ГРИГОРЬЕВИЧ В КУЙБЫШЕВЕ (воспоминания аспиранта)

Марк Григорьевич приехал с семьей в Куйбышев в 1941 г. Он начал работать в педагогическом институте и жил рядом с институтом в двух шагах от Волги. У института не было благоустроенного жилья. Примерно в октябре 1942 г. Марк Григорьевич переселился в квартиру в центре города, принадлежавшую только что организованному авиационному институту.

Квартира Марка Григорьевича состояла из двух больших комнат, соединенных дверью. Передней не было, а вход в первую комнату был прямо с лестницы, которая запомнилась мне как лестница черного хода. Первая комната служила в дневное время столовой, вторая — кабинетом Марка Григорьевича. Именно здесь он занимался со своими аспирантами (отдельно с каждым). Здесь же стояла небольшая железная печка, которую Марк Григорьевич часто растапливал перед началом разговора.

До своего возвращения в Одессу в 1944 г. Марк Григорьевич продолжал работать в педагогическом и авиационном институтах. В последнем он заведовал кафедрой теоретической механики и читал основной курс по этому предмету. В педагогическом руководил аспирантами. И везде пользовался безусловным (я бы даже сказал, абсолютным) уважением руководства и, разумеется, сотрудников.

Всего в куйбышевский период у Марка Григорьевича было пять аспирантов, в том числе А. В. Штраус и О. В. Свирский. Все они успели подготовить и защитить диссертации в положенные три года. Этому способствовали очень эффективный метод работы с аспирантами и, конечно, не успевший к тому времени усложниться порядок защиты (не требовалось печатать автореферат, иметь опубликованные работы и т. д.).

Марк Григорьевич регулярно встречался со своими аспирантами (впрочем, в первый год я был единственным аспирантом). Не реже одного раза в неделю аспирант приходил в его кабинет и начиналась беседа. Совершенно немисливо было прийти к Марку Григорьевичу, не приготовив какой-либо работы. Большой частью речь шла о решении задач, предложенных им во время предыдущей беседы. Если в решении обнаруживалась ошибка, нужно было прийти на следующий день с новым доказательством. Бывало, что мысль, показавшаяся удачной, приходила уже на лестнице, и Марк Григорьевич не удивлялся, если через 15 – 20 минут после прощания аспирант появлялся опять. Такие беседы продолжались по теперешним меркам довольно долго — час, полтора. Не могу точно сказать почему. Помню, что уходить очень не хотелось, но думаю, что без поощрения со стороны Марка Григорьевича ни у кого не хватило бы бестактности так засиживаться.

Марк Григорьевич очень любил рассказывать о чем-либо из своей жизни или из математического фольклора. Благодаря этому я узнал много коротких историй, которые можно было бы назвать историческими анекдотами, о математиках предыдущих поколений — Н. М. Крылове, Н. Г. Чеботареве и многих других. Марк Григорьевич знал наизусть шуточные поэмы, сочиненные математиками. Он охотно вспоминал различные эпизоды из своей жизни, отбирая, по-видимому, наиболее колоритные. Мы хорошо представляли себе по его рассказам всех его одесских аспирантов и многих сотрудников. Я заметил, что Марк Григорьевич всегда очень интересуется окружающими его людьми. Думаю, что именно поэтому у него было что рассказывать о них. По-видимому, этот интерес был доброжелательным, потому что по его рассказам его окружали очень порядочные и интересные люди. Вспоминая сейчас все это, прихожу к заключению, что рассказы Марка Григорьевича утверждали тот высокий стандарт нравственности и порядочности, который был принят в те времена у математиков.

В течение первых двух лет аспирант должен был сдать некоторый минимум (функциональный анализ, теорию аналитических функций в объеме двухтомника Бибераха, современную алгебру по Ван дер Вардену). За двое суток до экзамена, на котором присутствовали все члены кафедры математики, аспиранту сообщалась тема, по которой он должен был прочесть полтора часовую лекцию.

Вступительные экзамены проводились по двум предметам: теории функций действительного и комплексного переменного. Вопросы задавали Марк Григорьевич и декан факультета Борис Леонтьевич Кругляк (получивший образование в Сорбонне). После экзамена абитуриент должен был тут же пройти собеседование. Речь шла о литературе, языках и даже о философии. Помню, что я, упомянув в ответе на вопрос о прочитанной книге Шопенгауэра „Афоризмы житейской мудрости“, подумал, что это, вероятно, увеличивает мои шансы быть принятым.

Осенью 1942 г. Марк Григорьевич участвовал в создании авиационного института. Он организовал кафедру теоретической механики. Помню, что на Ученом совете в ответ на подражательный упрек руководства Марк Григорьевич заметил, что высшая математика и теоретическая механика традиционно оспаривают друг у друга первенство по количеству двоек. Это выступление в значительной мере обеспечило нормальные условия работы кафедры механики.

Начиная с 1943 г. начал работать межинститутский семинар по функциональному анализу. В нем принимали участие аспиранты и некоторые хорошо образованные местные математики и

студенты педагогического института. Думаю, что останься Марк Григорьевич в Куйбышеве, там вскоре образовалась бы сильная математическая школа, так как способные люди есть всюду, а соответствующую атмосферу, когда ученики считают, что нет ничего интересней и важней математики, он создавал чуть ли не одним своим присутствием.

В куйбышевский период своей жизни Марк Григорьевич занимался вопросами спектральной теории операторов с дефект-индексами $(1, 1)$ и создал новый аппарат для исследования. Он написал работу по теории винтовых линий в гильбертовом пространстве и применил полученные результаты для решения одной проблемы Колмогорова в теории вероятностей. Кроме того, он посвятил много времени успешной разработке некоторых вопросов гармонического анализа на топологических группах.

По поводу проблемы Колмогорова он как-то высказался в том духе, что успешному ее решению он обязан не своей сообразительности (какова бы она ни была), а тому случайному обстоятельству, что он занимался винтовыми линиями. В другой раз он развивал мысль о том, что умение преодолевать математические трудности в значительной мере определяется запасом накопленных ассоциаций и поэтому с течением времени может возрастать.

Этим замечанием Марка Григорьевича, явно адресованным молодым математикам, я закончу свои воспоминания.

Г. Я. ЛЮБАРСКИЙ